"Моабитские хроники". Фрагмент

27.02

− Ну это вообще не искусство! − говорю я на архив, на дружбу и на прочие направления. Но как я решаю, что − да, что − нет, что − пелла, что − камаргон?
Вот во тьме предутренней, вьюге белесой возникает странная физиономия − умирающий Мандельштам или совсем оттопыренный, измученный Иванушка. И я вижу два сгустка черные перед ним, за руки держатся:
− Что ты хотел?! − говорят. − Хочешь кататься, люби снег! Люби снег! Люби, сука, снег!
Они взялись за руки − я вижу, перечеркиваются их черные суховеи рук. Вот это как раз НЕ искусство. Остальное − искусство, наверное. Пыль, пепел, кровь, алмаз − искусство. И даже искусство, когда бьют ногами под дых. Но взявшись за руки − нет. Круговая порука − нет. Будьте прокляты, поддерживающие друг друга!
Для ясности. Я готов даже примириться с охранником концлагеря, но не с поддерживающими друг друга. Даже с Сечиным и Миллером, но не с художниками, поддерживающими друг друга.

03.03

Картине необходимо созерцание самой себя. Подобно лугу, когда его никто не видит. Это редко чувствуется в классической живописи, она слишком экстравертна. Внутреннее зрение живописи воцаряется у Сезанна. Хотя до него оно в высшей степени присутствует, скажем, у Леонардо − мыслию мир разрешить, построить формулу Вселенной как конфигурацию именно вот этих складок платья. Так же и у Сезанна − совместить мораль, вожделение, грех, и даже Золя с Прудоном, в единую формулу Больших Купальщиц.
И в то же время картина всегда является картиной бегства, нашествия или уничтожения. Меньше, порушенней самой себя. Я не создаю интерпретаций. Скорее, ситуации, когда возможность и даже необходимость интерпретирования вроде наличествуют, однако его самого нет. Пресловутый буддистский пустой дом, куда прокрадываются воры. Он похож на квартиру, похож и на магазин, но входишь туда − ни того, ни другого. Просто вот эта линия, вот это пятно света.

04.03
Что я еще могу сказать об этом, чем разрыв заполнить, кроме как множа спор, пургу. "Охуенный художник!", "охуенная ваза Матисса!" − говорит Саша Бренер, ставя ладони параллельно земле, будто изображая самолет, идущий на взлет. Такие вот художники − Клее, Федотов, Матисс, Пьеро делла Франческа, кто там еще у него сейчас. Включайте заве-е-тное сердце, о, включайте заветное сердце! И еще босиком по лужам.

А потом − хоп! − звонок в дверь или удар вбок. Поначалу это бандиты почти добрые, вроде тех, что приходили вымогать картины на Фурманный. Не бесплатно ведь − кто-то сокрушался, дешево все-таки, рэкетирская цена, кто-то, напротив − бежал за ними по двору: "а почему вы у нас картин не требуете?!". Но никто почему-то не сообразил, что дело не в цене вопроса, а в том, что они просто бандиты. Странный народ, эти русские! Впрочем, когда такая ферментность при тотальной власти, как это происходит в России, кажется, будто долго колеблешься. "Мы долго колебались, где поставить столик, ходили взад-вперед по снежной целине", − так они все говорят. Говорит Навальный, "Коллективные Действия" и пр. Пушкин опять-таки.

12.03

О моих овалах в картине "Расцветание креста" я бы сказал так: "они сами не понимают, чего они избежали".

17.03

Одесса, Грузия, Греция, еще какие-то южные страны − вроде Алжира, Марокко. Я бегал между ними нелегально через границы − по горным перевалам или через проходные дворы, подворотни. Но однажды попал в Одессу или в Грузию в неурочный час, мне так хотелось пить, а местных денег с собой не было и надо было ждать вечера, чтобы перебраться через

границу обратно.
Я сидел на солнцепеке, вздыхал, потом упал набок, даже не застонав. Ибо стонать − привилегия имеющих жизнь, а у меня ее уже не было.
О, прилети же клетчатый баллончик!

28.03

Светлая легкость Матисса, которую однако сдвинуть в сторону не можешь. Подобно темной тяжести Гитлера. Нерушимые переходы от урока музыки к завтраку, бликам на столе, крошкам свежего багета, к тому, что под юбками.
Он ласково он треплет сыну лоб, выходит гитлеровская челка, лобик гитлеровский гладкий или вмятый лоб Солженицына. Выходит жизнерадостно, как грибы, как Мальорка-мохнатка, как Тини Дюшан, невестка, − такие делает Матисс пасы, акупунктуру лба и смерти. Какие кожицы и шкурки! И в тот же час, какие пустыри!
В любых, самых мерзких условиях истории становиться натуральной чистой величиной.
Но Паунд тоже здесь? Да, Паунд.

29.03

Я пишу картину "Молочник" − портрет Гитлера в головном уборе, наподобие вермееровской "Молочницы". От этого сияющего золотого чепца отваливаются какие-то кружки и с брызгами падают в заливающее нижнюю часть картины молоко…
Ждать и верить слухам, распространяющимся в воде. Ждать японского поползновения − когда с легким межпланетным звуком "плюх!" сорвутся кружки с короны Гитлера-молочника. ("Это не корона − это фотография падения капли молока", − так писалось в Детской Энциклопедии). Ждать и верить стульям в темноте или в сумерках, когда дети, оставшиеся дома одни, спрячутся под стул в сумерках. Потом еще один, и еще один ребенок − так их уже целая компания, одиннадцать! Оборвать здесь или продолжить? Какая разница! Звездчатые трещины в стекле − это ведь тоже взрыв! Умка − бумажный, но решается он не материалом, а сердцем. Да, я тоже раньше думал: "вот поеду в Россию, или пошлю картину в Россию, выставлю ее, прислонив к двери, продам картину − накуплю пишущих машинок, смогу писать дальше". Но ведь решается все не материалами, не машинками, а сердцем! Я лично теперь предпочитаю ждать японских звуков. Камдэ! Камдэ! И будто в храме каком-то буддистском или синтоистском мы с Гитлером облетающим пребудем вечно.
Или по-другому про Гитлера. "Весь фьюжн, а хули-правда!" − так это может называться. Когда вдруг видишь в окне электрички образ Гитлера. Возвращаешься с акции "Коллективных действий", скажем, или с питерской литературной дружеской прогулки в Павловск, и видишь в окне образ Гитлера. Или писающего Михаила Кузьмина, что то же самое. Подравниваешь их к образу "Возвышающийся фикус".

03.04

В 1996 году мне довелось провести пару месяцев в т.н. Хэдландском художественном центре, на берегу Тихого Океана под Сан-Франциско, с внешней стороны пролива Золотые Ворота. Не Биг-Сур, конечно, но что-то в таком роде. У меня была помимо комнаты еще отдельная мастерская, прямо на пляже, но я туда, по-моему, так ни разу и не зашел. Вместо этого дописывал текст "Димы Булычева" и бродил по окрестным горами. Ночами валялся на берегу у пены прибоя с фляжкой виски, прочитывал при свете фонаря одну-две страницы из "Илиады", дрочил на звезды. Но на самом деле все пытался "найти продолжение в современном искусстве". Как раз после бредового скандала "Интерпола" в Стокгольме и тупой, самодовольной коммунитарности первой "Манифесты" в Роттердаме. Никакого "продолжения" я, конечно, не выискал, и понял, что в конце концов из современного искусства мне придется уйти. Я еще долго после этого делал всякие инсталляции и перформансы, на заказ, на потребу, года до 2002 или даже 2006, однако уже точно знал, что эта история отыграна.

04.04

Пикассо − тот еще прохвост! Когда все отправляются из мастерских во двор, взять красок на пробу, каждый берет по ложечке, Матисс берет две ложечки, Пикассо − вроде тоже две ложечки, но потом потихоньку еще одну, еще одну… А краски-то каковы, самые лучшие: "Евсей-Евсей", "Сережа-Сережа", и т.д!

10.04

Сначала ты якшаешься с Иисусом Христом − ищешь свой путь, размышляешь о смысле жизни, споришь с друзьями. Потом больше склоняешься к иконам Богоматери − строишь концепции, создаешь произведения. Ну а потом тебе надо просто выходить к Богу Отцу, в темень. Это, пожалуй, самое пугающее и неприятное.

29.04

И все равно я думаю, что московский концептуализм − подлое искусство. В лучшем случае, такое же подлое, как Советский Союз. В худшем, − такое же подлое как путинская Россия.

30.04

− Можно я сохраню это все, эти заметки? − говорит дочка.
− Да-да, отнеси их к нам на дачу, там положи в полумгле.
− Но у нас нет и наверное не будет никакой дачи. Может, я отнесу их лучше в Яд-Вашем?
− Да неси куда хочешь!

13.05

Вечером в мастерской с Франком. Мне надо выработать с ним новый модус существования, потому что теперь, похоже, он будет жить у меня подолгу, ему надо приглядывать за больной матерью. Смотрели футбол. Потом, уже совсем поздно, полупьяный, я начал подмазывать "Памяти Пржевальского". И получилось хорошо! Я не писал пьяным лет 30. Но в самом деле, если я не стесняюсь разговаривать с Франком пьяным, или пьяным набрасывать свои стихи, почему я должен стесняться писать красками.

10.06

"Хао-и! Хао-и!" − поет Харри Партч. Красная Армия, Неуловимые мстители. "Как вы там, за горизонтом, всадники струнных полей?!" А тем временем спокойно я вновь выхожу на длинный пляж. Единственное назначение которого спрашивать: "Как вы там, Неуловимые Мстители, Ли Бо и Моби Дик?". Тот Длинный Пляж, по которому мы ходили с Ануфриевым, напевая: Как вы там? И еще: Хо-о! Хао-и!

18.06

Сколько бы у меня ни спрашивали, я даже не буду отвечать. "Сколько это будет стоить?" или "Сколько вам лет осталось?" − даже не буду отвечать. Будто родившийся в сорочке. С вышивкой. Или родившийся в горах невежа. Или родившийся прямо в классе привилегированной средней школы − неотличимы. Наверное этого состояния достиг Вальзер. Когда посреди ежедневной прогулки он упал в альпийский луг. Сравнял все вопросы с гомоном альпийского луга. В его траве зеленой. Или корабле синем.
Я все вспоминаю тех детей в вышиванках, что бегали где-то на периферии моего взгляда, пока я сидел в баре Пинчук Центра, ждал Никиту, и от нечего делать листал каталог Марка Ротко. Потом понял, что мечтал о чем-то таком всю жизнь − Марк Ротко и где-то рядом с ним, интригующим образом, вышиванки. "Ракеты с народным орнаментом". Бордюры, полосы. Нет, конечно я знаю, что Ротко − белорус. Но на йом-киппур, лакомясь запрещенной ветчиной, они наверное частенько обсуждали эти вопросы с украинцем Филипом Гастоном. Смеялись.

25.06

В Берлине были Сильвестровы, мы долго сидели в кафе, проговаривали монтаж одесского фрагмента. Потом я вернулся в мастерскую, смотрел на свою картинку с "Моби Диком" и

размышлял о параллелях между Гоголем и Мелвиллом. Мне пришло в голову дорисовать к Моби Дику маленький лик Гоголя. Но поскольку руки у меня уже плохо слушались, чтобы не забыть идею, я просто мазнул пару черточек углем и накарябал "Гоголь". Так потом это осталось и всем очень понравилось.

12.07

Подъезжал к дому, навстречу ехал чудак на велосипеде, издали на секунду показался мне похожим на отца. Подумал, что хорошо было бы вот так встретиться с папой, перейти в какой-то параллельный мир… Правда, о чем бы с ним разговаривали? Мой отец был как раз в моем нынешнем возрасте, когда выбрасывал мои картинки из квартиры и ходил жаловаться на меня в КГБ.

15.07

Чарльзу Айвзу. Роберту Мазервеллу. Лицо типа Швейка, нос картошкой. Овал желтый с красной полосой.

24.07

Мои стебли в "Катыни…Хатыни" − как нелегальные эмигранты, которые не могут перейти границу. Но вот только когда они станут вялыми, безобидными − их может быть пропустят, дадут им в руки книгу или оружие… которыми уже не будет сил воспользоваться.

10.08

Линия не должна возникать, линия должна катиться. Как поехать на косу зимой (Кинбурн или Каролино-Бугаз). Среди полного лета поехать на косу зимой.

21.08

ПОТАПЫЧ, ГУРУ, СВЕТ ЗА ОКНАМИ. Триптих, навеянный картинами Норберта Шванковского. (Это, кстати, очень интересный художник, уже покойный, довольно известный в Германии. Я случайно попал к нему в мастерскую в Бремене, в 2002 году. Норберт, много старше меня, держался очень скромно, даже чопорно, картин не показывал, я не знал толком, кто это такой, и был в основном поглощен вопросом, выставит ли он выпить. Много позднее я догадался, что в нашей компании была женщина, которую он любил, и по-видимому безответно).

03.09

Закинул в фэйсбук с дюжину скриншотов нашего фильма. Никита К. единственный, кто сразу отметил ту же фотографию, что больше всего нравилась мне − женщина с репродукцией Мазервелла, а под ней субтитр "Сейчас, когда Украина избавляется от старого мира..." (реплика Дениса Коштуры).
Я вспомнил, как лет 10 назад написал: "Для кого я пишу? Для 25-летнего мальчика, который заложит вираж и покинет эту страну...". Но нашлись не только мальчики, нашлась вдруг целая страна, которая заложила вираж и покинула ту страну.

20.09

Для Чацкина, о его манере письма. (Чаца тогда еще был жив, и меня порой напрягала его нарочито усложненная манера записи стихов. Которые по своим поэтическим достоинствам вполне бы выдержали обычный столбик. Будто он чего-то боится или прикрывается): Пожалуй, Чаца, ты боишься, перестраховываешься. А если бы ты напрягся, если бы ты почитал эти тексты людям − они ведь хотят их услышать, эти щебечущие тексты. Если только не бояться. О, мой Чаца. Не бояться смысла, погреба, подвала. Надо прыгать. Что там заслонять провал узорчатой дверцей − грязной деревянной вонючей дверцей − захаровской архивной декорацией − проклятой децимацией. Мы не захаровы, мы медведи, о мой Чаца! Пусть даже мы сойдем с гор раньше времени, в штанах мокрых экскрементами, мы сойдем с Альп раньше времени, мы сверзнемся в люк, мы будем брести медленно, срывая грибы. Для пропитания. Не ставь лишних точек, Чаца! Мы будем брести медленно и со вкусом, вразумительно, в штанах грязных, запачканных, срывая грибы.

(Мы будем брести на юг, медленно и вразумительно, отклоняясь слегка то к западу, то к востоку).

24.09

В последние годы жизни среди абстрактного дриппинга у Джексона Поллока все чаще начинают опять мелькать какие-то рожи. Исчеркав все, он, кажется, пытается вновь вернуться к фигуративности и аффирмации. Что-то вроде тихого вопроса, который мы пытаемся озвучить в углу, за гранью пафоса: "Но бабушка!? Где же ты, моя бабушка?!"

27.09

"У-у! У-у!" − вползает топор в блевотину, время вползает в эон. Начал писать картину − "Где-то в Африке..." она будет называться. Лиса Алиса и Кот Базилио изображены на ней в виде зеленоватого блевотного пятна, что не мешает им стырить мешок у бедных негров, ждущих у костра в Стране Дураков.
Одна птица наступила в мое пятно − у нее на лапках остался мокрый след. Другая птица захотела узнать, чем занимается (моя) философия − результат был примерно таким же.

06.10

В Париже, Кракове, Каролино-Бугазе, где-то еще. Носился взад и вперед, декламировал,

разыгрывал сцены, скитался по заброшенным квартирам. Находил там уже не помню что, захватывал его или делил с другими. Я прошел, пронесся через Тюильри, вышел к Орлеанским воротам, вернулся назад к Каролино-Бугазу, опять оказался в Кракове. В моем любимом желтом ночном фонарном свете. Иногда у меня было с собой оружие, иногда книга, иногда просто слова.

07.10

Вдоль реки Дунаец автобус вползает наверх в Бескиды. По пути из Кракова в Новый Сонч. Потом в Киев.